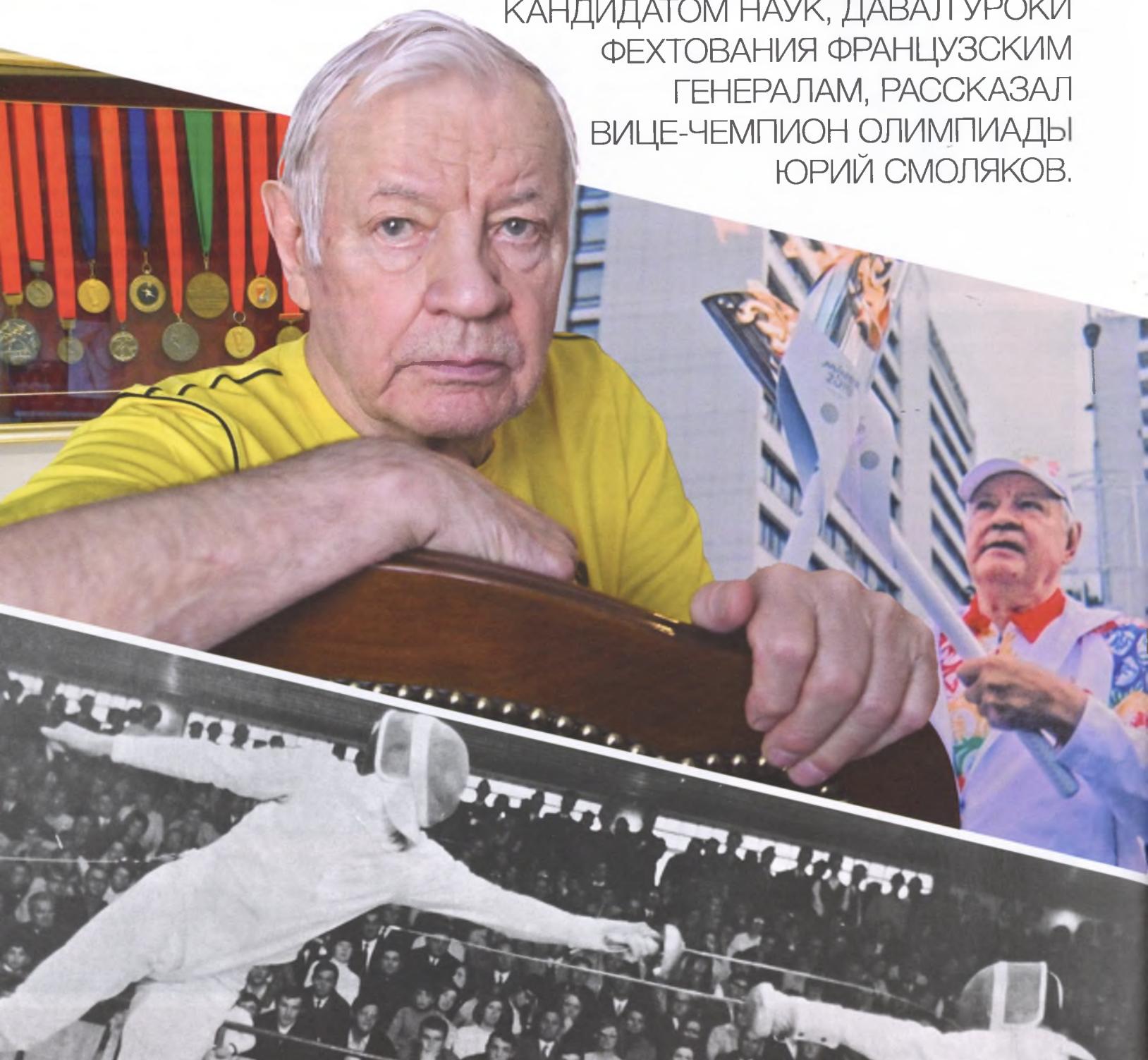

ШАГИ

О ТОМ, ЧТО ЗАСТАВИЛО СТАЙЕРА-ЛЕГКОАТЛЕТА ВЗЯТЬ В РУКИ ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ, КАК ПОКОРЯЛ ПЬЕДЕСТАЛЫ ПРЕСТИЖНЫХ ТУРНИРОВ, СТАЛ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ, КАНДИДАТОМ НАУК, ДАВАЛ УРОКИ ФЕХТОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКИМ ГЕНЕРАЛАМ, РАССКАЗАЛ ВИЦЕ-ЧЕМПИОН ОЛИМПИАДЫ ЮРИЙ СМОЛЯКОВ.

ЗВОСЧ ЗВОСГИ

КП «околением победителей» с полным правом можно называть блестящую плеяду белорусских фехтовальщиков, защищавших цвета сборной СССР в 60–70-х годах прошлого века и регулярно добывавших награды на самых престижных турнирах. В июле нынешнего года мог бы отпраздновать 85-летие выдающийся шпажист пятикратный чемпион мира и серебряный призер Олимпиады-1968 Алексей Никанчиков, к сожалению, непростительно рано ушедший из жизни.

К счастью, жив и здравствует, а также многое может о нем рассказать близкий друг и соратник легендарного «мушкетера» по той непобедимой команде серебряный призер Игр в Мехико Юрий Смоляков. Ему в сентябре исполнится «только» 84...

ЭЛЯ, ЕЗЖАЙ В ВОРОНЕЖ!

«Шпаги звон, как звон бокала», пользуясь словами задорной песни из популярного фильма, его слух, конечно, тоже ласкал, однако не с детства, да и «красавице и кубку» он начал радоваться не в самом юном возрасте. А вот азартно сражаться с оружием в руках мальчик Юра научился еще в школе. Только оружие тогда было деревянным, а курс юного бойца — недолгим.

Поступив в Белорусский институт физкультуры, подававший надежды бегун-стайер, пятиборец и даже боксер Юрий Смоляков по-настоящемуступил на фехтовальную дорожку. Маневр оказался на редкость удачным: сын военного летчика и будущий подполковник очень быстро стал искусственным «мушкетером», вице-чемпионом мира и Олимпиады, а благодаря этому — и кандидатом наук, написавшим несколько книг. Впрочем, обо всем по порядку.

ЮРИЙ СМОЛЯКОВ родился 20 сентября 1941 года в Воронеже. Фехтовальщик, двукратный чемпион СССР (1963, 1966), серебряный призер чемпионата мира (1966) и Олимпийских игр (1968). Мастер спорта СССР международного класса. Кандидат педагогических наук, доцент.

— Юрий Тимофеевич, до сих пор помню, как пацаном более полуверка назад затаив дыхание слушал по радио ночные сводки с чемпионата мира-1966 в Москве, где белорусские фехтовальщики в составе сборной Союза завоевали в итоге 4 золотые и 2 серебряные медали.

— Славное было время. Рапиристка Таня Самусенко победила и в личном зачете, и с Дианой Никанчиковой в составе сборной СССР, супруг которой Алексей стал лучшим шпажистом мира и вместе со мной добывал командное серебро.

Оценив, видимо, мои способности, трудолюбие, физические данные и то, что я был левшой, Герман Матвеевич быстро ввел меня, новичка, в состав сборной БССР. В 1961-м мы выиграли командное первенство страны, в 1962-м я уже в личном турнире победил на Кубке Союза, а еще год спустя — на Спартакиаде народов СССР.

— Известно, что вы с Никанчиковым крепко дружили, вместе тренировались, делили радости и невзгоды, штурмовали спортивные вершины. Неужели именно его трагичный уход из жизни побудил вас до срока зачехлить оружие?

— Его неожиданная смерть потрясла меня. Столько лет вместе, и тут такое... Я потерял и друга, и идеального спарринг-партнера, и сам будто потерялся. Правда, по инерции успел еще стать 2-м на чемпионате Союза, но потом пошел к нашему общему наставнику заместителю председателя республиканского Спорткомитета Бокуну и признался, мол, все, больше не могу выходить на дорожку. А мудрый Герман Матвеевич, знаяший, что я скрупулезно вел спортивные дневники, ответил: «Ну что ж, чемпионов у нас много, а ученых не хватает. Двигай-ка ты в институт физкультуры, возглавишь кафедру фехтования».

— И возглавили?

— Не сразу. Поначалу работал на кафедре научным сотрудником. Зарплата была около 120 рублей, и это вместо 300, которые получал как член сборной СССР. Хорошо, что меня надоумили взяться за диссертацию, написать которую и с ней защититься в Москве мне

здраво помог Давид Абрамович Тышлер, отличный саблист в прошлом, а впоследствии тренер и ученый-теоретик. Чуть позже у нас в институте освободилось место завкафедрой. Тогда я ее и возглавил. А еще через 3 года мне как аттестованному динамовцу при погонах и кандидату наук предложили аналогичную должность в Высшей школе милиции. Потом работал и в других вузах, какое-то время преподавал в Военной академии Республики Беларусь, был доцентом кафедры.

— Вы ведь потомственный военный?

— Так точно. Мой отец был летчиком, служил в Шяуляе и в 1941 году познакомился там с симпатичной 16-летней девушкой, ставшей потом его супругой. Они полюбили друг друга, встречались, но началась война, немцы разбомбили аэродром, военных погрузили в эшелон, и папа перед отъездом успел только крикнуть: «Эля, езжай в Воронеж, к моим родителям!» Уже беременная мной и почти не говорившая по-русски мама добралась туда чудом вместе с табором бежавших от нацистов цыган. В сентябре родился я, а отец вернулся домой только в 1946 году, чтобы забрать нас в Пловдив, куда его после ранения назначили комендантом.

— Как вам жилось в послевоенной Болгарии?

— Неплохо. В Пловдиве, где в 1947 году родился и мой младший брат, если вы помните, был установлен памятник советскому воину-освободителю, тот самый «Алеша», и болгары тогда относились к русским с симпатией. Правда, однажды мне грозила серьезная опасность, когда один из местных жителей внезапно навел на меня пистолет. Благо ходивший со мной, 6-летним мальчиком, в магазин наш пес Джон прыгнул на него и прокусил ему руку, а тут подоспел и папин шофер. Когда я впоследствии в этом городе выиграл международный турнир и рассказал о своем отце женщине-мэру, вручавшей мне приз, она была по-настоящему растрогана.

ПИСЬМО РЕННЕЛЮ И ПРЕДЛОЖЕНИЕ БОКУНА

— Международных турниров в ваше время было очень много?

— Много. В Европе фехтование и сейчас очень популярно. А тогда, к примеру, только во Франции проходили турниры в Сольз-ле-Потье, Гавре и Париже, в которых часто принимала участие сборная СССР. В столице мы жили неделю, и нас французское Министерство обороны приглашало на спарринги. К нам приходили 75-летние генералы, брали уроки и немного платили втихаря. С «присматривавшим» за нами штатным гэбистом приходилось делиться, зато он о наших заработках «куда следует» не докладывал. А вообще, у них в армии фехтование было обязательной дисциплиной, как в Союзе кроссы. Кстати, в мое время даже посол Франции в Беларусь успел потренироваться в Минске.

— А выигрывать соревнования в Союзе вам доводилось часто?

— Часто, в том числе чемпионаты страны. Хотя состав участников всегда был очень сильным. Когда я впервые в 1963-м стал победителем Спартакиады народов СССР в личном зачете,

Школу я окончил с серебряной медалью, хорошо знал алгебру и английский. Мама хотела меня в политехнический отправить, но я уже спортом болел, решил связать с ним судьбу и поступать в БГОИФК. Изначально как легкоатлет-стайер.

Леша Никанчиков оказался на 6-м месте, а Гриша Крисс, будущий олимпийский чемпион, — на 3-м. Годом раньше, а потом еще дважды мне удалось выиграть Кубок Союза в Одессе.

— Вас там вроде бы пытались ограбить?

— Ограбили! Мы после соревнований шли на вокзал, и, кажется, на Привозе я зашел в подземный туалет, спустившись по лестнице вниз. Откуда ни возьмись, налетели двое шаромыжников, скрутили меня, отобрали часы и деньги и скрылись. Поднимаюсь наверх, рассказываю все ребятам. Они в ярости, но уточняют, мол, кроме тебя вроде никто не выходил. Бросаются туда, находят эту парочку и, сами понимаете, молят их от души. Хорошо еще, что те живы остались. Наших-то четверо, все красавцы: Леша ростом 194 см, Алик Павловский вообще машина, в 1962 году в Аргентине на чемпионате мира людей на пожаре спасал, вынося их на руках. Даже медаль за это, по-моему, получил.

— Юрий Тимофеевич, ваше знакомство со шпагой началось, как у многих будущих фехтовальщиков, с романов Александра Дюма?

— Нет. В нашу школу в Барановичах пришел преподаватель физкультуры, оказавшийся фехтовальщиком и учивший нас сражаться деревянным оружием. Потом он уехал в Брест, а наша семья перебралась в Болбасово, под Оршей. Кругом был лес, стояли снежные зимы, и я увлекся лыжами, а летом бегал, доведя дистанцию до 30 км, от нашего городка до райцентра и обратно. Причем, чтобы тренироваться грамотно, написал письмо в тогдашний «Физкультурник Белоруссии», адресованное главному тренеру сборной республики Томасу Робертовичу Реннелю. Попросил прислать график тренировок. Он, на удивление, откликнулся, прислал план, и я им пользовался. Познакомились мы с ним позже, когда после школы отправились с отцом в Минск, чтобы я поступал там в вуз.

— В институт физкультуры?

— Да. Школу я окончил с серебряной медалью, хорошо знал алгебру и английский. Мама хотела меня в политехнический отправить, но я уже спортом болел, решил связать с ним судьбу и поступать в БГОИФК. Изначально как легкоатлет-стайер. А в институте играл в баскетбол, бегал на лыжах, занимался даже боксом. Потом меня сначала переманили в современное пятиборье, но однажды, в 1961 году, нас допустили к первенству города по фехтованию. Я был левшой, скоростным, мобильным, ну и голова работала не плохо — словом, неожиданно занял 2-е место вслед за опытным Алексеем Никанчиковым. Тут-то Герман Бокун и спросил прямо: «Чемпионом страны стать хочешь? Тогда жду завтра в 7.00 в Доме физкультуры».

МЕКСИКАНСКИЕ СТРАСТИ

— Дом физкультуры находился тогда рядом с цирком.

— По соседству. Кстати, Бокун, будучи уже зампредом Спорткомитета, приходил на работу очень рано, с утра в его приемной толпились люди. И однажды, зайдя туда по своему делу, я увидел... актера Юрия Никулина. А Герман Матвеевич даже не знал, кто это такой.

— Не знал Никулина?

— Бокун был очень занятым человеком, с 7 утра до позднего вечера то в зале, то в комитете, поэтому цирком и кино особо не интересовался. А Никулин со своим коллективом приехал в Минск на гастроли. Он жил в цирковой гости-

нице напротив Дома физкультуры, и сын его попал в неприятную историю: выпил, подрался. Из милиции сообщение могли отправить в Москву, в Госцирк, а это был бы скандал.

Почему артист пошел именно к Бокуну, не знаю, но он заглядывал в зал, где мы тренировались — цирк-то был рядом. А Герман Матвеевич, узнав, в чем суть дела, ему, конечно, помог. Позвонил кому надо и решил вопрос.

— Он ведь и вас всегда по-отечески опекал?

— Да. Оценив, видимо, мои способности, трудолюбие, физические данные и то, что я был левшой, Герман Матвеевич быстро ввел меня, новичка, в состав сборной БССР. В 1961-м мы выиграли командное первенство страны, в 1962-м я уже в личном турнире победил на Кубке Союза, а еще год спустя — на Спартакиаде народов СССР. Не раз становился лучшим, причем часто поочередно с Никанчиковым, на международных турнирах — в общем, нормально прогрессировал.

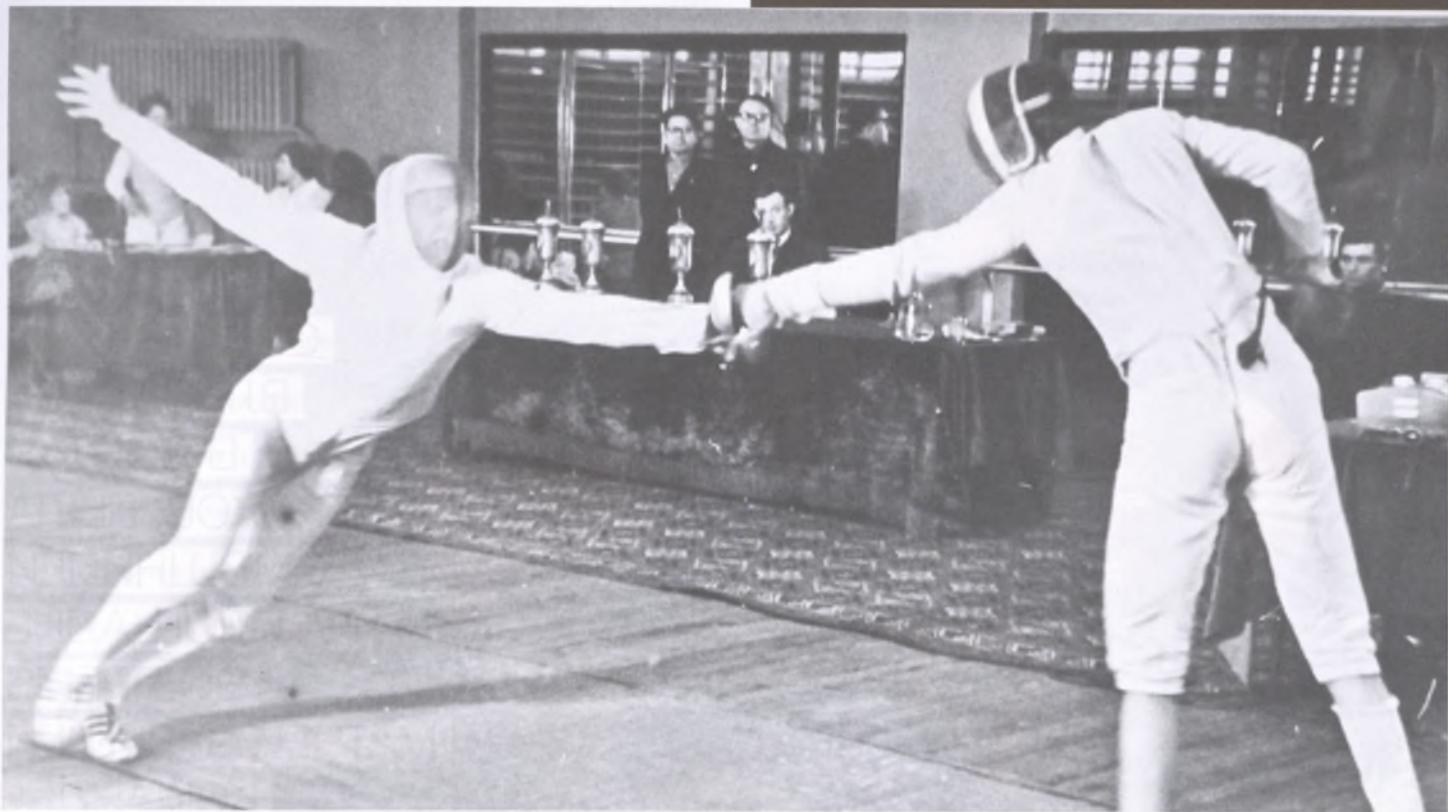
— И в итоге за 3 года попали в сборную СССР и на Олимпиаду-1964 в Токио.

— Жаль только, что в командном турнире на подступах к финалу нам перешла дорогу дружина Венгрии. У них вообще очень сильное фехтование было, так что нас с Никанчиковым радовало и серебро. Игры-1968 запомнились по разным поводам. Из-за событий в Чехословакии соперники из соцстран нас не любили, обзывают оккупантами, и мы поодиноке не ходили: могли побить, нашу волейболистку даже изнасиловали, в бассейне югославские ватерполисты подрались с нашими и т.п.

— Мадьяры в ту пору были непобедимыми?

— Нет. Я международный турнир выигрывал даже в самой Венгрии, в финале Кубка Европы мы их побеждали. Но Олимпиада — это особые соревнования, да и команда у них действительно была мощной. В Мехико представители соцлагеря с нами сражались просто яростно.

А когда нас пригласили на бой быков, тореадор свое сомбреро демонстративно бросил на колени чешской гимнастке Вере Чаславской, как бы выражая ей свою симпатию. Политика... Судейство по отношению к нам, «оккупантам», было очень предвзятым. Да и климат добавлял дискомфорта: от удушающего смога даже семижильные гребцы и молотобоец Ромуальд Клим падали в обморок.

— А мексиканцы как к вам относились?

— Вполне дружелюбно. Помнится, Саша Медведь, например, на вытянутых в сторону руках носил по паре добровольцев, и это приводило зрителей в восторг.

В КОМПАНИИ С КОВЗАНОМ, ЯНКОВСКИМ И ГЛЕБОВЫМ

— Большой спорт подарил вам возможность на равных общаться со многими интересными и известными людьми.

— Да. К примеру, после Олимпиады-1980 в Москве Петр Миронович Машеров отправил мобильную бригаду, в том числе меня, штангиста Леню Тараненко, композитора Валерия Иванова и еще нескольких творческих людей на самолете ЯК-40 в агитперелет по республике. Возглавил же нашу бригаду легендарный ас, совершивший 4 тарана и оставшийся в живых Герой Советского Союза Борис Иванович Ковзан. Представляете, сколько увлекательных историй мы услышали!

— И рассказали сами?

— Не без этого. А, скажем, с Лешей и Дианой Никанчиковыми в доме на тогдашней, если не ошибаюсь, Парковой магистрали, где находился магазин

«Алеся», соседствовал замечательный белорусский артист Ростислав Янковский с семьей, в другом подъезде жил композитор Евгений Глебов. Они приглашали нас с женой на свои спектакли и концерты, мы часто собирались вместе. Сам я, когда жил за филармонией, сдружился с Игорем Лученком, очень любившим спорт. Оба были молодыми, имели дочерей одного возраста, и наши жены тоже общались.

— Юрий Тимофеевич, а как вы со своей супругой познакомились?

— Вскоре после моего возвращения с Олимпиады в Токио, на тогдашнем проспекте Ленина, когда я шел с тренировки. Зал у нас был на стадионе «Динамо». Оттуда выходишь — и рядом кафе «Весна». А Тамара сама из Полоцка, училась на 1-м курсе института народного хозяйства и жила в общежитии, тоже неподалеку. Прогуливаясь там. Мы поженились в ноябре 1964-го, а в 1965-м родилась дочка Лена.

— Она впоследствии вышла замуж за известного футболиста и футбольного агента Николая Шпилевского, сотрудничавшего, в частности, с Александром и Вячеславом Глебами и другими известными мастерами кожаного мяча?

— Совершенно верно. Ленин и Колин сын Леша тоже неплохо играл в футбол и стал в итоге тренером, в свое время возглавлявшим брестское «Динамо», а следом — алма-атинский «Кайрат»,

который выиграл чемпионат Казахстана, и один из сильнейших клубов Кипра «Арис» из Лимасола. Сейчас его, по непроверенным сведениям, вроде бы сватают в какой-то российский клуб.

В разговоре со мной сам Александр Шпилевский признавался, что и дед, и отец очень сильно повлияли на его становление как футболиста и человека и воспитание в нем по-настоящему спортивного характера:

— Папа и до тренировки в детской команде, и после нее агитировал меня еще и еще работать с мячом, он сам в свое время был талантливым футболистом и мечтал, чтобы сын достиг большего. Помню, мне подарили самокат, и, отталкиваясь одной ногой, я под присмотром отца проехал по шоссе километров 30. Приезжаю домой, а задняя мышца бедра порвана...

Считаю, я был перспективным и целеустремленным парнем с сумасшедшим менталитетом. Мог тренироваться часами, мяч с собой даже в школу брал. Мама ругала: обувь новую мне купят, а из школы прихожу уже в порванной. И дедушка, и отец твердили, мол, ты должен упорно работать, тебе есть на кого равняться. И я действительно на них равнялся и горжусь обоими.